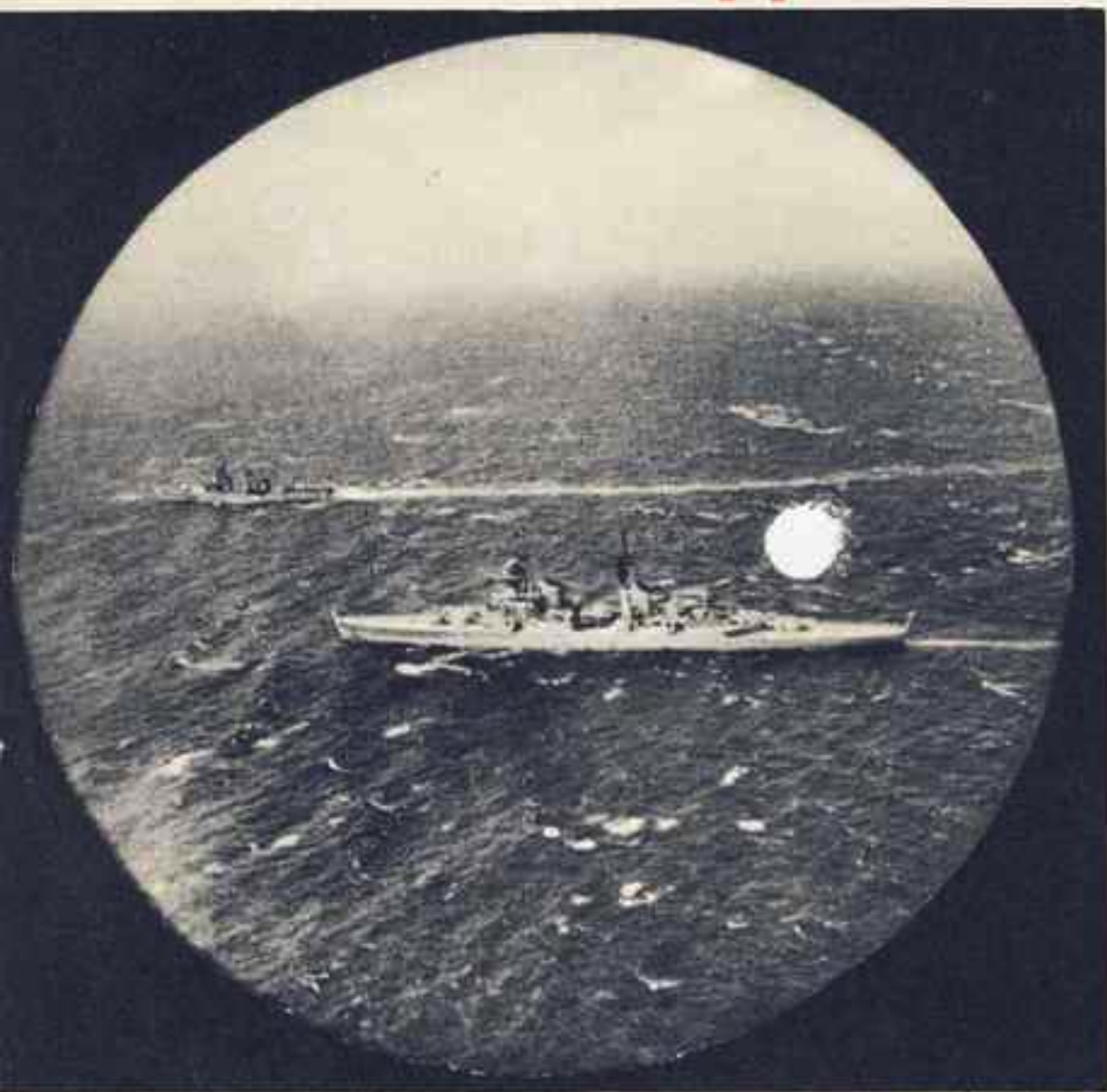




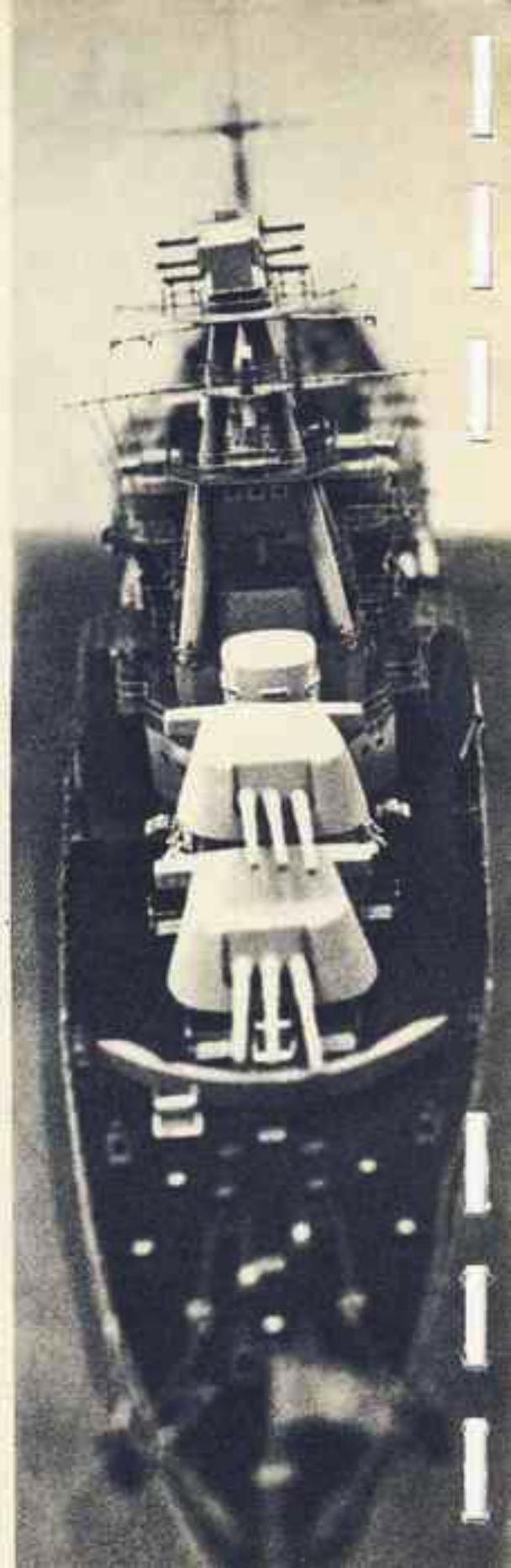
7 **Кругозор** 70

# ЛЕГЕНДА-БЫЛЬ



НА ЗЕМЛЕ,  
В НЕБЕСАХ  
И НА МОРЕ

# О БОЕВОМ КРЕЙСЕРЕ



У кораблей своя судьба. Они стареют, но их броня остается крепкой, а пушки бьют так же, как били тогда, когда корабль был молодым.

В Советском Военно-Морском Флоте есть корабль, который и сегодня в боевом строю, хотя он спущен на воду более тридцати лет назад. Это краснознаменный крейсер «Киров».

Крейсер «Киров» вступил в строй в сентябре 1938 года, а 22 июня 1941 года принял первый бой. Ирбенский пролив — выход из Рижского залива, где к началу войны находился «Киров», — был прочно закупорен подводными лодками и торпедными катерами противника, ожидавшими прорыва крейсера на просторы Балтики. Однако крейсер «Киров» вырвался из блокады, пройдя мелководным и совершенно непригодным — как считали фашисты — для кораблей подобного тоннажа Моонзундским проливом. Впереди корабля шла шлюпка, с которой промеряли глубину. В начале июля крейсер прибыл на таллинскую военно-морскую базу и сразу же вступил в бой. Его мощные орудия громили танковые колонны противника, пехоту, артиллерийские батареи. Надо было выиграть время для эвакуации сухопутных войск из Таллина. Ушел «Киров» из Таллина в Кронштадт одним из последних. На его борту находилось командование флота, советские правительства Латвии, Литвы, Эстонии, золотой запас государственных банков Прибалтики...

В сентябре «Киров» глухой ночью по узкому и опасному фарватеру перешел из Кронштадта в Ленинград. Три года стоял крейсер на Неве. Как только фашисты начинали обстрел города, крейсер вступал в артиллерийскую дуэль с орудиями врага. Это был настоящий часовой посаженный Ленинграда.

**В. МАКАРОВ,**  
капитан первого ранга

*Взгляните на снимки, и к вам приблизится давнее и недавнее. Закипит большая вода под винтами боевых кораблей, загремит канонада. Военно-морские маневры «Океан» Стремительно мчится крейсер «Александр Суворов». Это — недавнее. А когда-то резал воду, испещренную разрывами снарядов, другой боевой корабль — крейсер «Киров». Это — давнее. О боевой судьбе легендарного крейсера рассказывается в песне Е. Крылатова и Ю. Визбора. Слушайте 4-ю звуковую страницу.*

Фото Ю. Муравина.



**Шахтер Алексей Стаханов.**  
**Звеньевод-свинловод Мария Демченко.**  
**Бригадир трактористов Паша Ангелина.**  
**Машинист паровоза Петр Кривонос.**  
Имена, знакомые нам с детства. Биографии, вошедшие в историю страны, в историю первых пятилеток. Здесь же фото Валентины Гагановой,



*Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих.* В. И. Ленин

известной трачхи, нашей современницы. В тридцатые годы боролись за право считаться стахановцем; сегодня борются за коммунистический труд, досрочно выполняют задания пятилетки, планируют новые рубежи. Коллективный подвиг советского народа продолжается. Голоса первых — на звуковой странице журнала. Комментирует их московский строитель Герой Социалистического Труда Геннадий Масленников.



**ГОЛОСА  
НАШЕЙ  
БИОГРАФИИ**



## ПРИНЯВШИЕ ЭСТАФЕТУ

— Говоришь, была бригада и нет ее? Верно это. Гена Пискунов в Тольятти начальником строительного потока. Боря Андрухов уехал главным специалистом по сварке на зарубежную стройку. Борис Шмуклер — главный специалист в нашем комсомольском монтажном управлении. Витя Варфоломеев в том же управлении возглавляет поток. Саша Гусев защищает диплом в институте. Коля Синченко руководит стройуправлением. Игорь Логачев и Толя Сенькин — бригадиры...

Разговор происходит в кабинете заместителя начальника крупного управления строительства Москвы.

Герой Социалистического Труда Геннадий Владимирович Масленников, бывший бригадир знаменитой бригады, рассказывает, как он начинал сам. Есть такой этап у строителей — нулевой цикл: когда роют котлован, закладывают фундамент. Вот с этого и начиналась, по существу, бригада Масленникова. Три десятка человек. В большинстве своем приехали по оргнабору из далеких районов. Сам Геннадий вернулся в Москву из эвакуации, имея два класса образования и трудовой стаж в треть прожитой жизни. В отделе кадров тормозного завода, куда он пришел, прочитали его заявление: «Не будешь учиться — через несколько лет перестанешь себя уважать». «Что, опять все сначала?» — спросил он. «Можно и сначала...»

Комсомольская путевка привела Масленникова в бригаду строителей. Там тоже начали с учебы. С учебы профессиональной. С учебы в школе, техникуме, институте.

— Кто и не выдерживал. Кто-то со стороны ухмылялся. И — честно — все, что смогли сделать бригадой, — результат нашей учебы.

Учились быть первыми. Первыми среди московских строителей начали соревноваться за звание бригады коммунистического труда, первыми завоевали его.

Учились и управлять государством. Три созыва Геннадий Масленников представлял рабочий класс в Моссовете, четыре года был депутатом Верховного Совета СССР.

*Слушайте первую  
звуковую страницу.*

# ВЫШЕ- ОДНО СОЛНЦЕ

В этом году в высший орган власти избран Владимир Копелев — строитель бригады Масленникова.

Из кабинета Геннадий Владимирович привел меня на стройку. К трем домам, зигзагом разрезающим небо.

— Говоришь, была бригада и нет? — Масленников хитро щурится и показывает на дома. — Вот она, бригада! Строит ребята, как мы строили, только лучше и быстрее. Нам в сорок восьмом полтора-два года с одним домом приходилось возиться. А сейчас — этаж за сутки, такой примерно темп. Бригада по-прежнему коммунистическая.

Он и сейчас легко узнает свою «строчку» в кирпичных стенах домов в Черемушках, в Зеленограде. И ребят своих узнает — по почерку.

...Геннадию Масленникову было шесть лет, когда Стаханов выдал на-гора свои знаменитые четырнадцать норм. Но я удивляюсь точности, с которой строитель говорит о том, что происходило в августе 1935 года на донецкой шахте, он как будто был там. Позже, в студии, я вижу, как теплеют его глаза, когда слушает он записи выступлений первых ударников. Он говорит:

— Вот смотри, и пленочка постарела, и как-то сгладились интонации, а по сути — все очень близко нам. Они оставили нам податки своей жизни, чтобы мы поняли, осмыслили и — продолжили...

Выходим из студии, зануриваем. Масленников, держа огоньком, прикрывает его по привычке ладонью. Как будто от ветра. Как будто поднялись мы на недостроенный этаж и лежит у самых ног Москва, а выше — только краны и солнце.

Б. ВАХНЮК

Фото Л. Лазарева.





Керсти МЕРИЛААС

### БЕРЕГОВАЯ ЛАСТОЧКА

Волны горбаты, пенный прибой,  
Высятся берег  
Серой стеной.  
Словно застрешье, выступ навис,  
Гнездышко птичье  
Вросло в карниз.  
Гнездо с птенцами карниз прикрыл,  
Слышится щебет  
И посвист крыл.  
Темно-зеленый трепет волны.  
Дышат просторы,  
Ветром полны.  
Сизые крылья, белая грудь.  
Ласточка-птица,  
Труден твой путь.  
Сизые крылья да высота.  
Нет для укрытья  
Даже куста.  
Кровли не сыщешь — берег суров.  
Что ж ты гнездишься  
Среди ветров?  
Где-то долины, зелень, леса.  
Южные манят  
Нас небеса.  
Хвойные чащи есть на земле.  
Что же ты строишь  
Дом на скале?  
Грудь белоснежна, сизы крыла.  
Ласточка-птица.  
Ветер. Скала.  
Море, как молот, берег дробит,  
И сотрясают  
Волны гранит.  
Как же на этом камне крутом  
Держится утлый  
Ласточкин дом?

Перевод с эстонского А. Ренча

Гравюры Ю. Космынина.

Митинг начался утром. И резолюцию принимали, словно присягу: «Каждый советский писатель готов все свои силы, всю свою кровь, если понадобится, отдать делу священной войны против врагов нашей Родины...» Было это в 41-м.

Рассказывают представители комиссий по военно-художественной литературе, знакомые с документацией тех лет.

М. Крючкин (Москва). В 1941 году в Союзе писателей было более двух с половиной тысяч человек. 967 — участвовали в войне. Были рядовыми, командирами, фронтовыми корреспондентами, политработниками, уходили в ополчение. У Аркадия Гайдара контузия еще с гражданской войны; после споров с врачами он добивается того, что о его медицинском переосвидетельствовании хлопочет партбюро Союза писателей. А младший лейтенант Казакевич подает рапорт командиру 354-го курсантского запасного полка подполковнику Выдригану с просьбой отправить его в действующую армию. «Можете не сомневаться в том, — пишет он, — что я готов на любые невзгоды и на смерть, если она будет необходима для победы». 18 писателей стали Героями Советского Союза, 440 — пали смертью храбрых.

Д. Шлапак (Украина). Когда началась война, из 180 писателей Украины на фронт ушли 120. Если же взять нашу сегодняшнюю писательскую организацию, то из 800 ее членов на фронте, в подполье, в партизанских отрядах боролись за победу 370 человек. Не вернулись 50.

5

## я был пехотой в поле чистом...

Утром 22 июня в редакции газеты «Красная Армия» получили оружие и военную форму Андрей Малышко, Микола Бажан, Любомир Дмитерко, Иван Ле, воевавший еще в гражданскую войну. Политработниками были Александр Довженко, Ванда Василевская, Александр Корнейчук. Олесь Гончар был сержантом-минометчиком, Михайло Стельмах начинал войну рядовым пехотинцем...

Н. Алексеев (Белоруссия). У нас погибли 22 писателя, воевали — 137. Военными корреспондентами были Максим Танк, Петрусь Бровка, Ян Крапива, Пимон Панченко и другие.

С. Сеитов (Казахстан). Я начал войну солдатом, кончил капитаном. Служил вместе с русскими товарищами Михаилом Светловым и Михаилом Матусовским. А наш знаменитый Баурджан Момыш-улы был в Панфиловской дивизии, где сражались представители 36 национальностей.

А. Сароян (Армения). Среди защитников Родины — более сорока армянских писателей. Но закончить войну в Берлине довелось мне одному.

«Мы расстались в первый день войны». На пятой звуковой странице журнала Михаил Луконин читает стихи погибших товарищей-поэтов.



Как маняще летнее небо нашего детства!  
Я и сейчас хорошо помню медленную речку, потягивающуюся в безбрежные заливные луга. Искупавшись, мы ложились в высокую траву и сразу оказывались словно на дне зеленого колодца. Здесь было жарко, тихо, кислотовато пахло соком примятой травы, отсюда особенно чистым и бездонным казалось небо. Небо плыло над нами, а мы сами, раскинув руки, парили среди облачных гор...

Планеристы. Они на всю жизнь остаются с небом накоротке, полагаясь на длинные крылья машин да силу воздушных потоков.

Советский планеризм начинался в Коктебеле. Здесь, над выжженными солнцем склонами Узун-

# планеристы



*Скоро первый полет. «Но вообще-то я хочу стать космонавтом», — говорит кишиневская школьница Светлана Челик.*

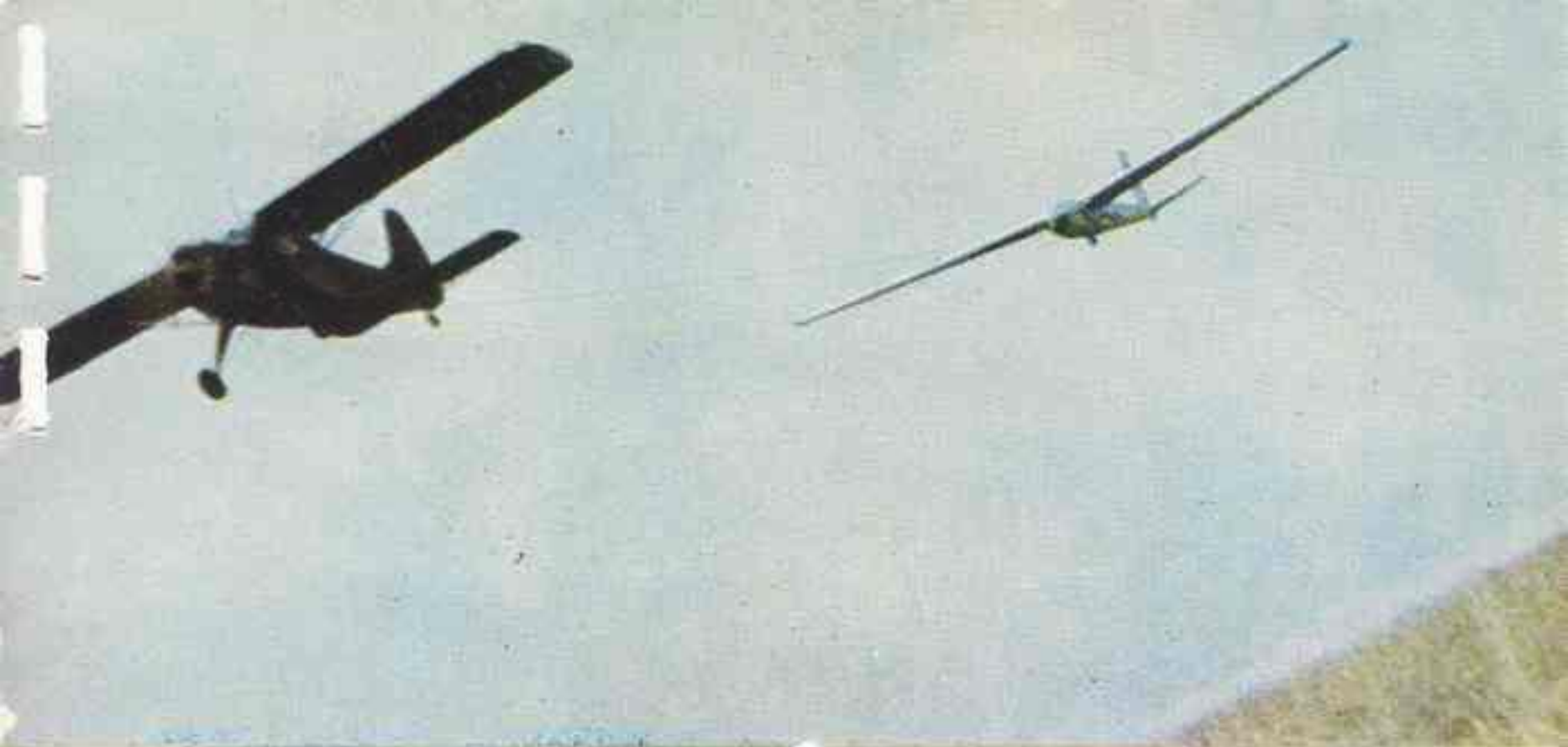
*Последний инструктаж. Тренер сборной Москвы по планерному спорту Александр Болдин, рекордсменка мира Татьяна Павлова и первоурядник Николай Теректьев перед полетом.*

*Через несколько минут в наушниках прозвучит: «Отцепка!» — и вот начинается свободный полет.*

**Фото А. Яндова.**







Сырта, где восходящие потоки так сильны, что можно парить с листом фанеры над головой, первые энтузиасты поднимались в воздух. Здесь штурмовали рекорды аппараты будущего авиаконструктора Антонова, парили «Мастяжарт» и «Рабфаковец» Сергея Илюшина, испытывался краснокрылый «Контебель», на котором в 1929 году его конструктор Сергей Королев четыре часа продержался в воздухе. В крымском небе была сделана на планере петля Нестерова. В кабины планеров садились космонавт Георгий Береговой, будущий абсолютный чемпион страны Евгений Руденский, прославившиеся позже летчики-испытатели.

Теоретические занятия, поездки на аэродром, строгость инструкторов — все это предстоит пережить планеристу задолго до полетов. Дальше испытывать человека будет небо.

Каждый планерист на всю жизнь запоминает первый прыжок с парашютом и второй, сделать который почему-то намного страшнее... Останется в памяти и первый взлет и первый штопор, в который как бы случайно сорвется опытный планерист, чтобы проверить, придет ли новичок в аэроклуб на следующий день. Все больше часов вписывается в летнюю книжку, и появляется уверенность в том, что ежедневный труд и опыт дают настоящую власть над небом. Планерист приходит к истине через долгие годы, потому что это особый спорт, которому чужда спешка. Недаром среди лучших планеристов

мира немало таких, которым за сорок, а иным даже и за семьдесят...

Если вы хотите по-настоящему узнать, что такое планеризм, поднимитесь в воздух. Вы увидите, как велико и прекрасно небо. Так случилось со мной...

Маленький аэродром, по которому ветер гонит ключицы шары перекачиполл. Из шахматной будки КП доносится приглушенный треском раций голос: «506 — вам отцепка». Внизу, как извивается отпущенный фал, как буксировщик, резко свалившись на крыло, уходит на круг.

А вот и наша очередь. Звучит голос почетного мастера планерного спорта Изабеллы Гороховой: «43-й к полету в зону готов». Опытный планерист — за моей спиной, в задней кабине. Взлетает сорванная винтом пыль, бежит, разгоняясь, под крыльями земля.

**И. ЦИБУЛЬСКИЙ,**  
специальный корреспондент  
«Кругозора»

Молдавская ССР



*Слушайте репортаж «6:30» свободного парения.*

## ПРОФИЛЬ МОЛОДОГО СОВРЕМЕННОГО

Александр Слободяник — один из последних учеников Генриха Густавовича Нейгауза, который возлагал на него надежды. Сбылись ли они?

Можно сказать, что молодой пианист рожден для сцены — он любит атмосферу зала, ему необходима публика в процессе музицирования. Да, именно это слово: на сцене он самозабвенно музицирует.

Музыка — как завершенная форма, как целое — развивается во времени. И задача исполнителя — при первых тактах видеть и ощущать конечный результат. Слободяник чувствует музыкальные объемы, умеет найти для них «нужное время». Но ради того, чтобы получить это труднодостижимое целое, пианисту приходится иногда жертвовать отделкой деталей. Он естественнее чувствует себя в крупной музыкальной форме. Ему легче, по его признанию, справиться с произведением, которое звучит 20—30 минут, чем «уложиться» в две-три.

Слободяник испытывает приверженность к романтической музыке. Точнее сказать, пианист-романтик ищет, находит и раскрывает в любой музыке романтические черты — стихийное чувство, красочность звучаний. Но в своих поисках хочет попробовать все. И старается не ограничивать круг авторов. Сейчас его тянет к Скрябину — мечтает сыграть скрябинскую Девятую сонату. Однако считает, что есть музыка, которую дано или не дано сыграть. От природы. Например, Гайдна, Моцарта. И то же о Скрябине: «Тут

# ОТКРОВЕНИЕ

7



*Три этюда Шопена  
(соч. 25 № 1, 2; соч. 10 № 12)  
в исполнении Александра  
Слободяника —  
на седьмой звуковой странице.  
Вы услышите фрагмент концерта,  
состоявшегося в Большом зале  
консерватории весной  
этого года.*

должно быть природное прикосновение: или да, или нет...»

Концепция Слободяника такова: в процессе игры на намеченный исполнительский сценарий наслаивается то, что называют обычно сиюминутным озарением, интуицией, импровизационностью; из этого сочетания четкой продуманности и непосредственности чувства рождается творческое единство.

Слободяник неожидан и относится к тем натурам, о которых говорят: «Он сегодня в ударе». Быть может, потому Слободяник далек от чисто пианистического совершенства. И, признаваясь, что «грешит» недоделками, все же неколебимо уверен в том, что день может быть и потерян за ролей, если исполнитель не поставил перед собой определенной цели.

...Концерт. Артист играет на этот раз удачно. Все так, как и ожидалось. И вдруг сместились акценты. Будто лучом света из звучащей мизансцены выхватывается то главное, о чем не подозреваешь...

Своей исполнительской манерой, похожей на свободную, непринужденную беседу с публикой, Слободяник утверждает привлекательнейшие стороны артистизма: волнение, внезапный порыв, взлеты и падения родившегося чувства...

Давайте же настроимся на то, чтобы не пропустить сегодня это мгновение в звучащей музыке...

Фарида ФАХМИ

Фото О. Макарова.

# ХИРОСИМА

## ГОЛОСА ЯПОНСКИХ ПОЭТОВ

Санкити ТОГЭ

### ШЕСТОЕ АВГУСТА

Шестое августа...  
Разве можно забыть ту вспышку?  
В долю секунды  
тридцать тысяч прохожих  
исчезло...  
В крошечной тьме под  
обломками зданий  
пятьдесят тысяч воплей  
смогло...  
И бешеным вихрем  
рванулись вверх  
клубы желтого дыма...

Потом  
рассеялась пелена:  
сметенные здания, рухнувшие  
мосты,  
исковерканные трамваи,  
переполненные телами,  
обломки оплавленных кирпичей,  
груды обугленных головешек —  
моя Хиросима!

Потом  
вереницы кричащих, бегущих тел,  
вереницы бесчисленных голых  
тел,  
прижимающих руки к груди,  
с которой свисает лохмотьями  
кожа,  
укрывающих бедра  
клочками недогоревших  
тряпок...

Трупы, разбросанные на плацу,  
словно каменные изваянья  
всесильного божества Дзидзо,  
охраняющего от несчастий,  
и толпы, толпы, забившие берег,  
словно связанных друг с другом  
живых,  
ползущих ирржавой массой  
к плотам,  
не тронутым пламенем,  
и кричащих: «Спасите!  
Спасите!» —  
и становящихся постепенно  
под обжигающим солнцем  
багрово-черными грудями трупов...

Четверть века назад произошла трагедия Хиросимы и Нагасаки. Клеймом убийцы мирного населения навечно был отмечен в истории американский империализм. Слово «Хиросима» появилось во многих произведениях искусства... Моя новая оратория написана на стихи Михаила Матусовского, привезенные им из поездки в Японию. В оратории шесть контрастирующих друг с другом частей, исполняемых симфоническим оркестром, хорами, солисткой-сопрано и чтецом. Мне хотелось выразить в музыке неукротимый порыв людей к миру, чтобы в мощном хоре прозвучал призыв: «Хиросима не должна повториться!»

Юрий ЛЕВИТИН, композитор



До вечера небо глодал пожар  
и переходил от руин к руинам,  
пока не достиг развалин,  
где под обломками дома,  
погребенные заживо,  
уходили в ничто  
моя мать и младший братишка...  
...Разве можно забыть тишину,  
окутавшую, как ватой,  
триста тысяч погибших?  
Разве можно забыть  
запавшие в душу  
и разбившие душу  
белки умоляющих глаз  
наших жен и детей,  
не вернувшихся из тишины?!

Тамики ХАРА

### ОБГОРЕВШЕЕ ДЕРЕВО

Обгоревшее дерево еще стоит.  
Еще стоит —  
После конвульсий,  
Еще пытается небо царапать...  
В тот день  
Неожиданно взвился в небо,  
Закрутившись драконом,  
Огненный вихрь,  
И осыпалось дерево  
В вышине  
Зеленую листву...  
Всю ночь  
Полыхали улицы.  
И дерево у реки  
Словно вдруг расцвело  
Огненным шаром.

### ВЕЧНАЯ ЗЕЛЕНЬ

Закипи, забурли, о юная зелень,  
На земле моей Хиросимы!  
Да будет священной  
Память смерти и пламени!

Вечная зелень,  
Вечная зелень!  
Зашуми молодой листвой  
На земле моей Хиросимы!

*Шестая звуковая страница.*

«Хиросима». Гравюра Макото Уэно.

# ВАЛГА — ВАЛКА



ли глубокого дыхания большой родины. У города развитые экономические связи со многими районами страны. Здесь на комбинате делают мебель из красноярской лиственницы с эстонской тщательностью, отсюда увозят швейные изделия в Белоруссию, сюда везут металл из Череповца. Питательные тюбики местного производства побывали в космосе.

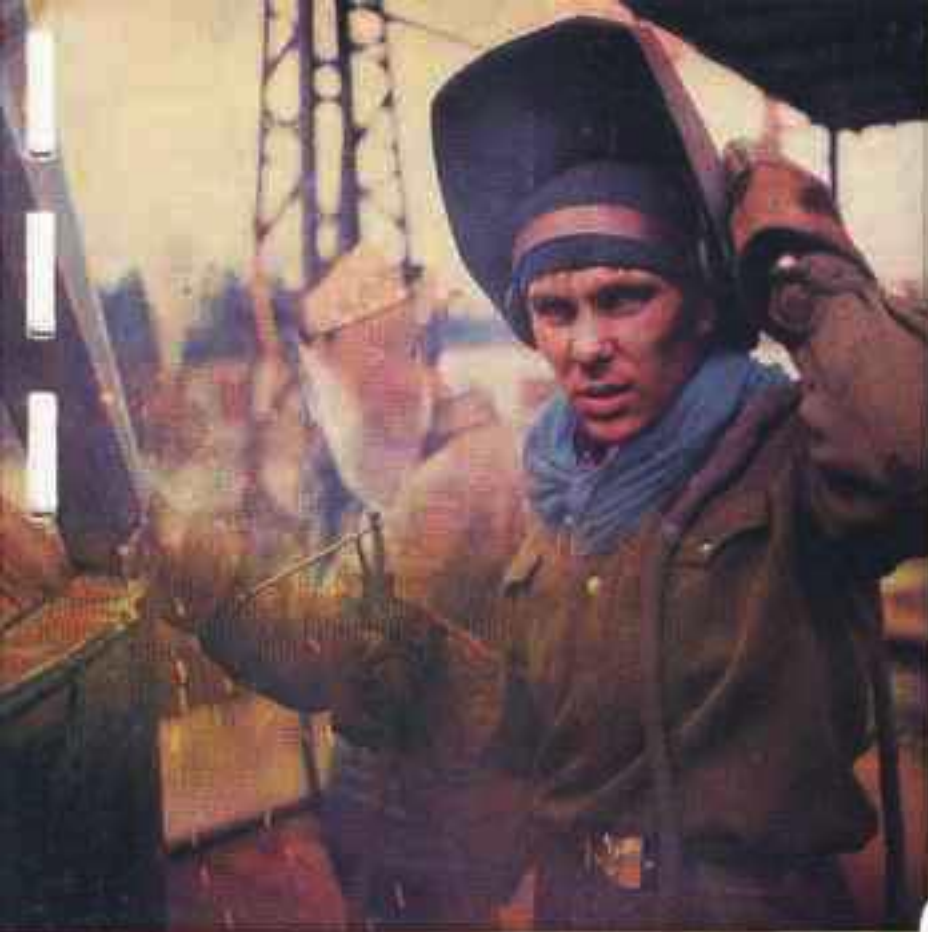
Сегодня эстонские проектировщики и латышские строители вместе разрабатывают новый генеральный план Валги и Валки. Латвийская часть города получает электроэнергию из Эстонии, а эстонские малыши с некогда «пограничных» улиц ходят в латышский детский

Этот маленький прибалтийский город расположен в двух республиках: эстонская его часть называется Валга, латышская — Валка.

В течение двадцати лет — с 1920 по 1940 год — город был поделен между буржуазными хозяевами Латвии и Эстонии. Пограничные шлагбаумы поперек улиц, колючая проволока, пропуск. Когда поезда из Эстонии проходили по территории соседней страны, проводники закрывали окна... Но рабочие Прибалтики — эстонцы, латыши, литовцы — боролись сообща, у них была единая большевистская организация. Орган ЦК коммунистов Латвии газета «Циня» нелегально печаталась в типографии эстонской Валги. 1 Мая 1934 года эстонские коммунисты подняли красный флаг на заводской трубе, неподалеку от границы, чтобы полотнище увидели и латышские товарищи.

Тридцать лет назад в Прибалтике была восстановлена Советская власть. Тогда жители города впервые ощути-





пишет ветеран войны Левон Ерицян из Еревана. — Хутор Силапуу невозможно забыть. Здесь похоронены самые близкие мои товарищи. Я пролил кровь на этой земле».

Спасение человеческой жизни и сегодня общее дело. Когда в больнице срочно нужна кровь для переливания, ее дают и эстонские и латышские доноры.

Перед отъездом мы встретились с архитектором Пейво Лайпайком в том месте, где латышская улица Райниса переходит в эстонскую улицу Дружбы.

— Как ни странно,— сказал Пейво,— хотим снова поставить здесь шлагбаум. Символический, конечно. Как памятник-напоминание. Пусть люди не забывают о мрачном прошлом. Шлагбаум будет всегда открыт.

**Ф. СВЕШНИКОВ**

**Фото Л. Лазарева.**

*По-латышски «лабритт», по-эстонски «терев» — «здравствуйте!». С этим словом вы войдете в Валгу — Валку. Третья звуковая страница.*

сад. В обеих частях города все согласны с тем, что самый вкусный хлеб выпекает эстонский мастер Иоганнес Хоог, а самые лакомые пирожные делают в латышском кафе «Утро». Валга—Валка—город с двумя горсоветами, но здесь все общее — хлеб и песни, праздники и заботы.

Впрочем, бывают и споры: чьи песни веселее, чье пиво крепче, чьи телевизионные передачи интереснее? Эстонки считают, что самый красивый головной убор — мотошлем, латышки предпочитают велошапочку...

Когда мне рассказывали о тысячах тонн грузов, проходящих через железнодорожную станцию Валги, я вспомнил двадцать граммов хинина, которые принесла военнопленным концлагеря в Валге эстонка Елизавета Тедер. Эти двадцать граммов не забыли москвич Михаил Дьяков и украинец Степан Жаркой, поляк Ян Кохановский и волгарь Владимир Чеботарев — бывшие узники Валгаского концлагеря, которым спасли жизнь эстонские друзья. «Город Валга мне близкий и родной,—



*На фото: утро председателей горсоветов Эльфриды Калласте и Яна Лаппиньша; оркестранты из 2-го «Б»; Николай Мышино — сварщик Валкского отделения «Сельхозтехиния»; Героим Великой Отечественной войны; Борцам революции. 1905—1917—1919 гг.*

## Ф. ТЮТЮННИК

Швырнув замасленную стеганку в угол хаты, Данька лихорадочно натягивает на худые плечи рубашку, дрожащими пальцами прилаживает галстук и выпрямляется перед зеркалом — широконосый парень глядит на него удивленно раскрытыми глазами, которые будто спрашивают: «Ну, и чего тебе еще нужно, дурень?»

Он набирает в легкие спертого, кислотоватого воздуха и гремит неожиданно густым басом:

Намозолив от пятилетнего сидения зады,  
крепкие, как умывальники,  
живут и поныне —  
тише воды.  
Свили уютные кабинеты и спальни.

Лицо его бледнеет, подергивается, по нему словно скользят невидимые тени. Загубевший голос курильщика постепенно очищается от хриплых, неуверенно срывающихся звуков и то накатывается грозным валом, как шумливая волна, то внезапно становится нежным и робким, как шепот весенней травы.

Данька понимает, что фальшивит, но остановиться не может. Мечась по хате, единственное оконце которой позвякивает необмазанными стек-

Шилова — село на Полтавщине, в котором живет, в котором пишет Федор Тютюнник. Его герои — односельчане, люди старшего поколения и современная колхозная молодежь. Публикуемый рассказ молодого украинского прозаика входит в сборник «Певучий источник».

лами, он напрасно пытается взять себя в руки и читать спокойно: что-то мешает ему, а что именно, он не понимает, хоть плачь.

Тем временем со двора доносится стук палки, и в окне появляется рябая физиономия деда Корчака: она прижимается к окну, расплющив нос, шуршит щетиной о запотевшее стекло, пожевывая беззубыми деснами, впирается взглядом в полутемную мазанку.

А Данька взволнованно дочитывает стихотворение — и вот уже в зеркале светло-русый паренек расправляет плечи, вызываясь обводит глазами потолок мазанки, уходящие в темноту стены, потрескавшееся, в рыжих пятнах зеркало, железную койку в углу... «А где же оно? — оторопело думает Данька. — Ведь было, только что было! Только что видел и огни рампы и восторженные лица — куда же все это делось? Неужели мираж какой-то!»

Съежившись от отчаяния, со стоном бросается он на постель. «Поторопился, как всегда, напутал, наврал...» — упрекает себя горько.

И не слышит, как скрипят двери хатенки и на пороге возникает дед Корчак. Неуклюже переминаясь на своей деревяшке, старик растроганно покачивает головой:

— От же, мама родная, как тебя это... Расстроился совсем. Не травми себя, говорю, не дергай нервы...

— Эх, Лунич, — соскакивает с койки Данька, — скажи мне, ну кто он такой, этот Левонтей? Разве он может чувствовать хоть что-нибудь? Я служил с ним, знаю...

Он идет к зеркалу, порывисто засовывая в рот сигарету.

— ...А его всегда вперед выставляют, понимаешь?

— А как же, — скидывает заношенный картуз Лунич и осторожно садится на табуретку. Его деревяшка поднимается, словно дуло пушки, и нацеливается в окно.

— Все он выдумал, — продолжает запальчиво Данька, — но душу выдумать невозможно! Понимаешь?

Корчак трет седую стерню на голове, вздергивает кудлатой бородкой и напряженно слушает.

— Почему не понимать? Само собой, понимаем...

— Вот ты, скажем, характер, единственный в своем роде, — захлебывается дымом Данька, — разве можно постичь тебя до конца? Ну, разве что так. — Он внезапно подламывает ногу, словно

# ВЕЧЕРОМ

она у него на протезе, и шкандыбает к столу, припадая на нее, как это делает Корчак. — Вот и все, наверное.

Старик увлеченно следит за ним, его усы расползаются в улыбку, и из-под них вырывается журавлиный илюет:

— Естественно, ну чисто тебе натурально, сучий сын!

Они чадят сигартами так, что в хате словно начинается пожар.

— Это я к тому, — продолжает Данька, — что правдиво можно только копировать, понимаешь?

Махнув рукой, он бросает окурок и лезет под стол за самогоном.

— Хлебнем, старина, — подмигивает он деду и выпивает первым. Потом закуривает.

— Эй, Лунич! Ты смотрел вчера фильм по телевизору? С новой вышки передавали. Смотрел? А видел, как там один... монах плюнул? Не видел? Как он плюнул, собака! Если бы я так смог!

— Э-э, велика важность, — тянет Корчак, — да я тебе как угодно плюну и куда хочешь. Берегись! — Встопорщив усы, он плюет в угол. — Нет, ты лучше скажи: кто я такой?



Данька сидит на развороченной постели, моргая серыми большими глазами на деда.

— Да это же всем известно; ветеран первой мировой.

— Какой я тебе тиран? Я дедна тебе, вот кто! С пленом ты у меня вот где, — он тычет себе в тощие ребра, — и не чужой ты мне, а родной. А какую жизнь я прожил! Ты бы знал...

— Лучше бы хату скорей кончал, — индает Данька, — до каких пор тут гнить будем?

— Экономия средств, понимать надо. Погоди, я же герой — вон кто я! — Корчак раздирает на груди ватник и звенит потемневшей медалькой, привязанной суровой ниткой к засаленному пиджаку. — Видал? «За храбрость», так и выбито вот тут... Второй степени... В Карпатах, значит, сам Алешка нацепил.

— Контра он, твой Алешка.

— Кому контра, а мне генералом был, — кипит Луннич.

Но старик не сердится. Покачиваясь на табуретке, он заводит скрипучим голосом:

Став коника напувати,  
стала вода прибувати-и,  
Ище ж коник не напився —  
чорноморець утопився...

Вскоре из табачного дыма, как мираж, выплывает стройная тень.

— Опять за свое? — кашляет Олянка и ставит молоко на стол. — Хоть бы форточку открыли.

Корчак сверлит ее потемневшим взглядом, словно видит первый раз, и недовольно слезает с табуретки.

Даньке не верится, что эта девушка у зеркала — его невеста. Все лето она приходит сюда каждый вечер — приносит молоко, а он все свое: не та, что грезилась в солдатских снах. Да и зачем она ему? Вон и хата еще не достроена, а главное — Левонтаю еще нос не утер... Вот сейчас он встанет и снажет ей все.

Она подходит, дотрагивается рукой до его соломенного чуба и садится рядом...

Что-то очень знакомое и родное чудится ему в этом прикосновении. Он сдвигает глаза и близко видит ее подбородок с тем волнующим изгибом, который сразу пленил его, и теплая волна прокатывается в груди.

Ему вспоминается служба на безлюдном севере, не согретая ничьими письмами, трудные походы, армейская самостоятельность. Вспоминается как что-то далекое, нереальное...

А впереди, прямо перед глазами, частит мотоцикло его жатки, плывут бесконечной серпантинной лентой колосья и свозь стоголосый гуд степи улыбается ему артельная весовщица Олянка...

И ничего ему уже больше не хочется. Нет злости и на Левонтая, который на клубных вечерах читает стихи или танцует «сербиянку» с выходом. Только быть с нею, только ощущать легкую дрожь ее груди.

В мазанке темнеет... Олянка сидит неподвижно, прислушиваясь к его дыханию... А к окошку все ближе крадется подслеповатая осенняя ночь.

Авторизованный перевод  
с украинского И. СЕРГЕЕВОЙ

Рисунок Е. Шабельника.

Когда в программе московского мюзик-холла зазвучал голос Галины Ненашевой, можно было подумать, что чувство эстрады у нее чуть ли не прирожденное, что песней она занималась всегда. На самом деле все было иначе.

— Не хотела я быть певицей, — говорит Ненашева, — хотя пела в школьные годы в самодеятельности. Я приехала лет десять назад в Челябинск из маленького Чебаркуля, где жила, пришла, чтобы выучиться на художника-модельера.

В Челябинске, по дороге, Галина остановилась перед громадой здания оперного театра. И неожиданно для себя вчерашняя школьница попала на конкурс. У нее обнаружилась чрезвычайно редкая, так называемая природная, постановка голоса, ее приняли сначала в оперный хор, а вскоре стали готовить к первой сольной партии Вани в «Сусанине». И, быть может, на оперной афише появилось бы еще одно новое имя. Но случилось так, что Ненашева переехала в другой город, где не было оперной труппы, а была драматическая.

— Вот тут-то произошел главный поворот, — продолжает Ненашева. — Дело не только в том, что я с замиранием сердца ждала выхода в роли Маши в первом действии «Живого трупа» — я должна была там петь... Именно школа драматического антера сделала из меня человека эстрады.

## Она-песня

После выступлений с оркестром Лундстрема и пятилетней работы в тамбовском ансамбле «Молодость» Ненашеву приглашают в московский мюзик-холл. Здесь она обрела возможность познакомиться публику со своеобразно интерпретированной ею русской песней.

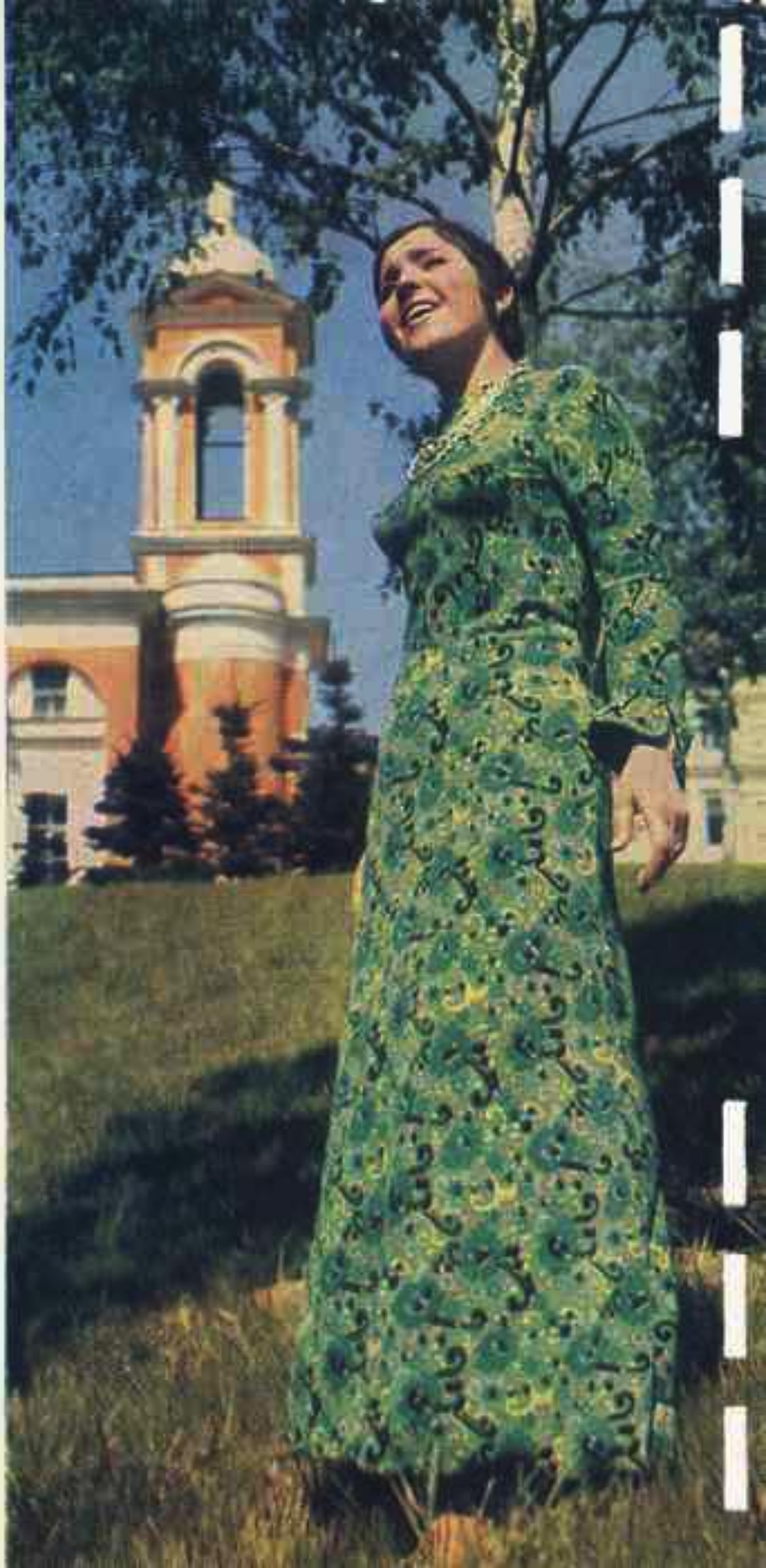
Мы услышали уже известные нам русские песни, но в них не было и следа архаики. Пред нами предстала юная мелодия, покоряющая благородством интонации и какой-то милой скромностью. То легкий полет голоса, то густота звукового потока, искренность и задушевность — вот «ненашевская изюминка».

Призы на конкурсах в Сочи и Брашове, гастроли в Польше и ГДР, многочисленные записи на пленку и пластинки — весь этот стремительный взлет, напоминающий отдачу сильно сжатой пружины, произошел практически в течение одного года. И когда Ненашева говорит о том, как хочется спеть ей еще не найденную песню, исполненную красоты и захватывающей удалости, веришь, что такая песня появится в репертуаре певицы.

Т. ДМИТРИЕВ

Фото Л. Лесных.

Слушайте девятую звуковую страницу журнала.





Этот ящик был сделан мастером. Сосновые доски до сих пор не рассохлись. Крышки на бронзовых петлях. По бокам — литые чугунные ручки. Я с трудом поднял двухплудовый ящик на стол, открыл крышку.

В сосновом ящике хранилась звучащая летопись русской и мировой музыкальной культуры. Даже бумага, которой был прикрыт клад, и та отдавала стариной — хрустящий кремовый лист с водяными знаками и каллиграфической надписью: «Лучшие в мире граммофоны только с маркой «Пишущий Амур». А под бумагой множество плотных конвертов с синим тиснением: «Граммфон», Москва, Тверская, 24, дом Саввинского подворья», «Американская компания граммофонов», Москва, дом Немчинова (против дома генерал-губернатора)» и т. д. И в каждом конверте — тяжелая пластинка с записью на одной стороне.

Много лет собирала пластинки Анна Гавриловна Смирнова. Первую принес в дом ее старший брат, учитель земской школы. Это была запись голоса «короля русских баритонов» Иоакима Викторовича Таранова, сделанная в 1897 году в Ганновере, — первая



## КЛАД ПИШУЩЕГО АМУРА

В. ИОНОВ,  
корреспондент  
Ярославского  
радио



запись русского артиста. Слушать пластинку ходили в купеческий дом, где был единственный на всю Мологу граммофон. В то время «говорящая машина» стоила баснословные деньги — 80 рублей, а с концертной мембраной и большим рупором — 100. И, наконец, «несравненный шедевр» — «Монарх-Гранд» с рупором из чистого серебра 84-й пробы — 600 рублей. И пластинки стоили недешево.

С годами собралась целая коллекция, заказан был мастеру ящик, чтобы можно было возить пластинки с собой. Но служба у Анны Гавриловны, агронома-селекционера по элитным льнам, оказалась хлопотной: Наркомзем посылал ее то в одну область, то в другую, а пластинкам суждено было оставаться дома, в Тутаве. Вот поэтому они сохранились почти неизменными.

Больше сотни пластинок. Выдающиеся имена: Н. Н. Фигнер, Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, В. Н. Петрова-Званцева, В. И. Касторский, А. М. Давыдов, Ян Кубелик, симфонический оркестр в Лондоне...

На звуковой странице прозвучат «несравненные голоса» кумиров русской оперы, которые донес до нас «Пишущий Амур».

## ПЕТРУШКИНЫ ПОПЕВКИ

В Заонежье белой ночью и бред лютиковыми лугами, и стадо стояло в них, как ленивое облако. Пастух сидел посреди коров и, невидимый, пел. Он пел частушки, и их мотив был прост и печален, а слова веселы и глумливы.

Русский фольклор богат сарказмом и юмором. Шуточки-песни, от которых девичьи губы платком закрывают. Острые, но и бравы, а в глаза паризатуры. Исполненные нежной, мягкой насмешки куплеты, от которых не обидно, а весело. Их распевали на улицах, свадьбах, в армарочных балаганах. А еще раньше — на скоморошьях сутаюках.

Скоморохи, люди вежливы,  
Люди вежливы, очесливы,  
Они глянутя — улыбнутя,  
А отворнутя — усмехнутя.

Сегодняшние музыканты, увлеченные народным искусством,

ищут для него пути в современность. Понятия различны. Важно, что они ведутся, что они искренни и уже есть находки. Одной из них, несомненно, является исполнение русских шуточных песен



ленинградским ансамблем «Петрушка». В Ленинград этот вокальный квартет перекочевал из Харькова. Там года три назад на любительских концертах встретились студентка радиотехники Татьяна Волынцева и Алла Коженикова, филолог Лариса Крячко и музыкант Марк Леонитович. Метко схваченная интонация народных песен, записанных, что называется с голоса, у знатоков, клятых из старинных сборников и свежо интерпретированных, — в этом и был смысл маленького певческого объединения. И вот уж стал ансамбль привлекательным эпизодом в программе ленинградского мюзик-холла. Название придумали квартету московские телевизионщики. Так с новым именем отиралиса «Петрушка» в Москву, Париж, Берлин, Варшаву дарить согретые народным дыханием слово-золото, мелодию-сердце.

Александр ПРОХАНОВ

Десятая звуковая страница

слушайте  
в  
номере



7 (76) июль 1970

1. «Здравствуй, страна героев!» Голоса А. Стаханова, М. Демченко, Е. Виноградовой, П. Ангелиной, К. Сахаровой. Комментирует Г. Масленников.

2. 6'30" свободного парения. Репортаж, записанный в облаках.

3. Валга—Вална: устав города—дружба.

4. «За далью проливов гремит океан...». Песня о ирейсере «Киров».

5. «Стихи остаются в строю». Михаил Луконин о поэтах, не вернувшихся с войны.

6. «Хиросима не должна повториться». Фрагменты оратории Ю. Левитина. Исполнители: оркестр Всесоюзного радио и телевидения, хоры и солисты, дирижер — Г. Рождественский.

7. Этюды Шопена. Играет Александр Слободяник.

8. Актеры, поменявшиеся «ролями»: Серж Реджиани—исполнитель песни Л. Бессьера и А. Видали «Волки»; Жак Брель — в роли Дон Кихота.

9. Галлина Ненашева: моя профессия — песня. В. Шаинский, В. Фельдман. «А лес стоит загадочный», народная песня «Калинка».

10. «Петрушкины песни». М. Леонтович, В. Голыков. «Петрушечка», «За воротами» (обработка А. Оленичевой), «Как у этого столба».

11. Бабушкин граммофон. Кумиры русской оперы — А. Давыдов, В. Петрова-Званцева, В. Касторский.

12. Эстрада планеты. Леонид Утесов. Интермедия о джазе. «Песенка о старости», «Вася Крючкин».

год основания — 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ  
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ  
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ  
ПРИ СОВЕТЕ  
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице  
обложки: гобелен  
Н. Диденко (г. Львов)  
«Дерево жизни».

Режиссер  
Н. П. Субботин.  
Художник  
А. Г. Луцкий  
Техн. редактор  
Л. Е. Петрова  
РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ  
Адрес редакции:  
Москва, ул. академика  
Королева, 12.  
Телефоны редакции:  
181-79-53, 181-79-48  
Сдано в набор 28/V-70,  
В-04838. Подп. и печ.  
16/VI-70. Формат  
бумаги 84×108<sup>1/16</sup>.  
Усл. п. л. 1,68.  
Уч. изд. л. 1,4.  
Тираж 350 000 экз.  
Зак. 1563. Цена 1 руб.

Звуковые страницы  
подготовлены Всесоюзной  
студией грамзаписи  
фирмы «Мелодия»  
и Государственным Домом  
радиовещания и звукозаписи.

Ордена Ленина  
типография  
газеты «Правда»  
имени В. И. Ленина,  
Москва, А-47,  
ул. «Правды», 24.



С ПОДНЯТЫМ ЗАБРАЛОМ



Не так давно два замечательных французских актера занялись новым для себя делом.

Четыре года назад Серж Реджиани, знакомый нам по фильмам «Мари-Октябрь», «Все по домам», записал пластинку с песнями Бориса Виана — рано умершего парижского поэта, музыканта, драматурга. Таков был первый — песенный — опыт Реджиани, чье характерное лицо с крутым лбом, воинственно вздернутым носом и опущенными углами продолговатых глаз, казалось, навсегда застыло на афише театра и кинематографа. Убедившись в том, что проба оказалась удачной, Реджиани рискнул выйти на эстраду с тщательно отобранными песнями. Он бросил на чашу весов свой опыт, филигранную актерскую технику и голос. Расчет оказался точным: «новичок» мюзик-холла потеснил старых мастеров.

Иначе поступил Жак Брель: он решил войти в театр. Сначала Брель попытался адаптировать мюзикл «Человек из Ламанчи» Ли и Вассермана по мотивам Сервантеса. Он работал над диалогами, потом взялся за тексты к музыкальным номерам и вдруг, потрясенный открытием, очутился лицом к лицу с главной двойной ролью —

щипал свободу. Для меня это человек исключительного мужества. В пьесе Сервантес не поет, он говорит. Поет Дон Кихот...

Реджиани. Во Франции театр утерял великодушие, доброту, перестал стремиться к синтезу. Наши молодые режиссеры способны разять структуру произведения, но они не в состоянии осуществить синтез. Анализ устраивает «элиту» публики, но синтез необходим для массового зрителя. Возьмем «Гамлета». Шекспировский театр — театр прямой мысли и прямого действия. Вот со сцены брошена фраза: «Подгнило что-то в Датском государстве». И когда зритель видит, что постановщик не эксплуатирует то, что действительно заложено в этой фразе, а трактует «Гамлета» «психоаналитически», он чувствует себя идьотом и не понимает, чему с таким остервенением аплодирует крошечная часть зала. А дело-то серьезное. В «Гамлете» речь идет о революции, которая не произошла. И неискушенная публика обманута.

У песни то преимущество, что она обращена прямо к публике. Я пою двадцать коротких, ясных и сильно

Дон Кихота и Сервантеса. В пьесе они попеременно уступали друг другу слово, подобно тому как автор бессмертного романа прерывал историю идальго, чтобы поведать читателю о своих всамделишных бедах... Когда выяснилось, что роль пошла, Брель заявил журналистам, что с концертами покончено и песенные турне им оставлены навсегда.

Брель. В песне я ожидал, честно говоря, от себя большего. Сначала я хотел в поисках новых возможностей песни увеличить хронометраж. Даже вообразить невозможно, чего мне стоило преодоление трехминутного, освященного традициями рубежа. Но дало не в этом. Песня не удовлетворила мечя. Для меня это расцветающий и быстро опадающий цветок. Оставив за собой возможность записи на пластинки, я пришел в театр... Думаю, что надо вещи делать живьем, кости и мясо показывать, живым выступать перед людьми. Вот как в «Человеке из Ламанчи». Дон Кихот — это триумф мечты. Ее победа над мелочными заботами дня. Сервантес — человек действия. Он боролся против рабства. Он за-

действующих новелл. Мой шаг казался кое-кому предосудительным. Но практика одержала победу. Почему? Опасность атомной войны, судьба детей, свобода, которой жаждет народ, — вот мои темы...

...Когда после часового пения Реджиани в «Бобино» попадаешь в Театр Елисейских полей на «Человека из Ламанчи», кажется, будто коричневый поток Сены отграничил не только старенький мюзик-холл на улице Радости от шикарного зала на авеню Монтаня, но и один актерский мир от другого. Будто Реджиани в черном свитере и Брель в картонных кирасах Дон Кихота сражаются на пересекających площадках, похожих на наклонные плоскости театра двадцатых годов. Но на самом деле это один мир. Товарищеский мир актеров-борцов, вышедших с открытым забралом против нечеловеческих угроз, бед и несчастий, обрушивающихся на человека в капиталистическом бесплодном мире.

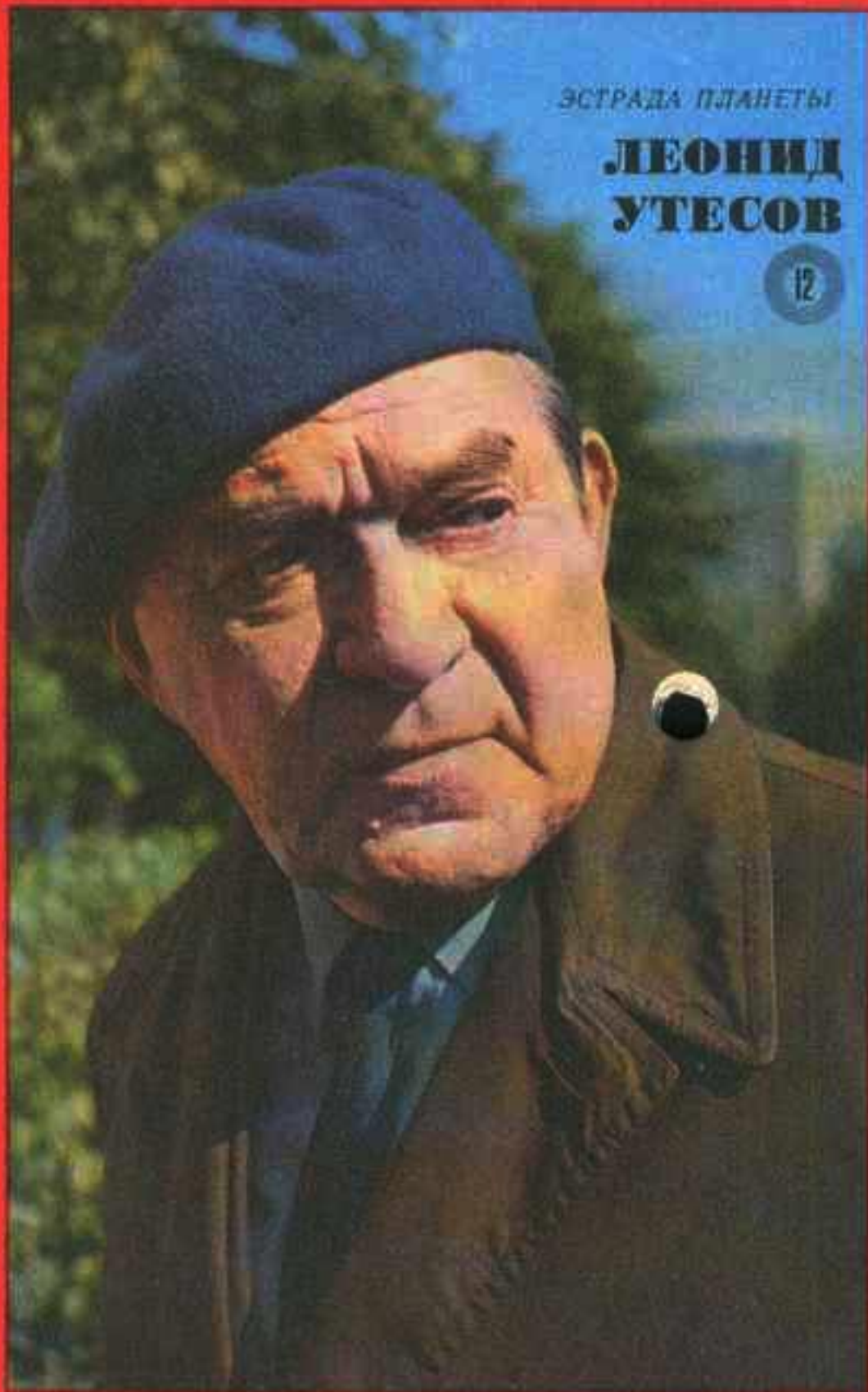
Артем ГАЛЬПЕРИН

Слушайте восьмую звуковую страницу журнала.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

## ЛЕОНИД УТЕСОВ

12



Лет сорок назад я увидел Утесова на сцене ленинградского театра, поразившего зрителей программой с несколькими эксцентрическим названным — «От трагедии до трапедии». Утесов играл Раскольниковова, пел Менелая в «Прекрасной Елене», играл на сиринке, пел романсы, аккомпанировал себе на гитаре, демонстрировал цирковое антре, читал рассказ Зоценко, танцевал вместе с Валеринной Пильц и в финале исполнил сложный акробатический номер! Только один жанр не был продемонстрирован Утесовым в этом представлении — джаз. Джаз, которому Леонид Осипович отдал все последующие годы своей жизни.

Истинной датой рождения утесовского джаза, с моей точной зрения, следует считать первое представление «Музыкального магазина» в ленинградской юзкин-холле в 1930 году. За директорским пультом стоял молодой Дунаевский. Спонтанно был изыскан эксцентричный, комический гротеск и вместе с тем нес серьезную плебейскую мысль. Утесов, исполнивший роль продавца музыкального магазина, критиковал над догматической платформой РАППа, прокламировавшего некую схоластическую «пролетарскую» музыку. Пожару, с этого вечера и началось шествие Утесова по эстрадам страны, которое он сам определил поэтической формулой «с песней по жизни».

Людям военного поколения стоит вспомнить утесовский «Вечер на рейде», «В лесу прифронтовом» или «Одессита Мишку», как их охватывающее должение и в память проступают образы сурового, но прекрасного времени.

А когда наступил День Победы, на площади Смердлова перед москвичами засверкали на солнце сансофоны и трубы утесовского оркестра, вздымавшие победный марш.

В чем же «секрет успеха» Леонид Утесова? Ведь он не обладает, как известно, большим голосом, он не поражает нас чудом антерского преобразования, ибо сознательно отназчался от судьбы драматического антера и целиком посвятил себя песне.

И все же Утесов остается прежде всего антером. В каждой песне, в каждой музыкальной миниатюре Утесов создает образ героя песни или самой песни. Не зря он поет: «Как ротный простой запеваля, я шел с ней сквозь ветер и дым. А голоса колы не хватало, я пел ее сердцем своим».

Петр ТУР